

С. Н. Уваров

**УГЛУБЛЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В УДМУРТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. И ЕГО ФАКТОРЫ***

УДК 392.54(470.51)

ББК 63.5(2Рос.Удм)

В статье рассматривается динамика межэтнического взаимодействия в Удмуртии во второй половине XX в. и факторы, приведшие к его углублению. Источниками послужили в основном неопубликованные архивные документы, среди которых особое место занимают материалы текущей статистики. Они учитывали, в частности, этническую рождаемость и случаи, когда отец новорожденного был другой национальности. Данный уникальный показатель, не востребованный пока исследователями, свидетельствует о том, что до середины XX в. межэтническое взаимодействие в республике имело не слишком большие масштабы. В конце 1950-х гг. всего у 9,5 % родившихся русских отец был другой национальности, среди удмуртов — у 5,1 %, среди татар — у 8,0 %. Благодаря таким факторам, как урбанизация, переустройство деревни (укрупнение колхозов, ликвидация «неперспективных» деревень и др.), увеличение доли знающих русский язык, межэтническое взаимодействие значительно расширилось. В конце XX в. каждый второй родившийся у матери-татарки имел отца нетатарской национальности, у удмурток каждый третий ребенок родился не от удмурта, а у русских женщин каждый четвертый ребенок — от нерусского отца. Наиболее значительный рост этого показателя у всех этнических групп отмечается в 1970-е гг. Углубление межэтнического взаимодействия иллюстрируют также участвовавшие межэтнические браки. К концу 1970-х гг. почти половина татар и городских удмуртов в качестве брачного партнера выбирала представителя иной национальности. Русские в городах подобный выбор делали в среднем в 20 % случаев, на селе — в 30 %. Сельские удмурты были самыми консервативными: только около 15 % мужчин и 20 % женщин в качестве «второй половины» предпочитали представителей другой этнической группы.

Ключевые слова: *межэтническое взаимодействие, смешанные браки, население, Удмуртия, переписи населения, национальный состав*

Уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, проживающих на территории Российского государства, сформировались во многом благодаря многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию. Наряду с этническим и конфессиональным многообразием населения России, с сохранением и развитием традиций разных народов, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия служит фактором укрепления российской государственности, определяет состояние и позитивный вектор развития межнациональных отношений в Российской Феде-

рации.¹ Между тем в отечественной историографии проблематика межэтнического взаимодействия не получила должного освещения.

Одной из удобных площадок изучения этничности в многообразии ее проявлений служит Урал, испытавший на себе все перипетии мировой истории. По верному замечанию А. В. Головнёва, этнологически он изучен фрагментарно.² Это в полной мере относится как к Уралу в целом, так и к его отдельным регионам. Рассмотрим межэтническое взаимодействие в Удмуртии и выделим факторы его углубления, наиболее активно происходившего во второй половине XX в. Выбор Удмуртской Республики обусловлен тем, что эксперты традиционно относят ее к стабильным в этнополитическом плане регионам, где сложный этнический и конфессиональный состав

Уваров Сергей Николаевич — к.и.н., заведующий кафедрой, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (г. Ижевск)
E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 16-11-18005) «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX — начале XXI века в целях сохранения полиэтнического многообразия и этнополитической стабильности» (рук. С. Н. Уваров)

¹ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (14.05.2017).

² См.: Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 40.

населения не является источником социальной напряженности.³ Рассмотрим динамику взаимодействия между русскими, удмуртами и татарами — самыми крупными народами, населяющими республику.

Ярким свидетельством углубления межэтнического взаимодействия являются смешанные браки, но в вопросе их изучения существуют большие ограничения из-за недостатка источников. Переписи населения учитывали лишь удельный вес межэтнических браков в общем количестве заключенных семейных союзов по регионам. В частности, по данным переписи 1970 г., в Удмуртской АССР 12,3 % семей были смешанными.⁴ Текущая статистика учитывала распределение вступающих в брак по национальностям, к тому же делалось это за конкретный год, но, к сожалению, лишь периодически. Первые такие данные были собраны за 1924–1928 гг. и изданы.⁵ Хотя в 1936–1937, 1939, 1969 (кроме РСФСР), 1970, 1978–1980, 1988 гг. (в 1988 г. учитывались лишь крупнейшие нации союзного значения) ЦСУ СССР собирало сведения о межнациональных браках, эти материалы уже не были опубликованы.

До 1920 г. межэтнические браки в Удмуртии были редкостью. Одной из причин этого служило то обстоятельство, что городское население почти полностью было русским (89,8 % по переписи 1926 г.) (табл. 1), а сельские поселения были в основном моноэтническими.⁶

Предоставление государственности удмуртам (в 1920 г. была образована Вотская автономная область, переименованная в 1932 г. в Удмуртскую, а в 1934 г. — в Удмуртскую АССР), политика «коренизации», индустриализация привели к значительному притоку населения в города. Численность горожан в Удмуртии в период между двумя первыми советскими переписями населения увеличилась в 4 раза (см. табл. 1), в частности за счет административных преобразований и присоединения новых городских поселений, в том числе Камбарки и Сарапула. Тем не менее, несмотря на то что

доля межнациональных браков увеличилась, массовым явлением и к концу 1930-х гг. они не стали (табл. 2). У русских доля смешанных браков оставалась низкой. Удмурты хотя и активнее образовывали этнически смешанные семейные союзы (особенно мужчины и в городах), но в силу своей малочисленности сильно картину изменить не могли. Татары-мужчины в сельской местности гораздо чаще стали брать в жены не-татарок, но этих браков также было относительно мало.

Ситуация существенно изменилась в послевоенный период. В 1970-е гг. межнациональные браки были распространенным явлением для всех трех этнических групп как в городах, так и в сельской местности. Почти половина татар и удмуртов-горожан к концу данного десятилетия в качестве брачного партнера выбирала представителя иной национальности. Русские в городах подобный выбор делали примерно в 20 % случаев, на селе — в 30 %. Удмурты, проживающие в сельской местности, были самыми консервативными: только около 15 % мужчин и 20 % женщин в качестве «второй половины» предпочитали представителей другой этнической группы (см. табл. 2).

Полученные данные позволяют скорректировать выводы, сделанные исследователями восточных финно-угорских народов. Так, известный финский ученый С. Лаллукка определил, что к концу 1970-х гг. доля заключающих межнациональный брак лиц среди всех брачующихся представителей той же национальности составляла в титульных республиках у коми свыше 40 %, у мордвы около 30 %. Он писал: «Невозможно определить, каковы были соответствующие доли по марийцам и удмуртам, но, видимо, будет верным заключить, что они были значительно ниже долей у коми и мордвы».⁷ На самом деле показатели у удмуртов сходны с мордовскими: и в 1978 г., и в 1979 г. 29 % удмуртов вступило в брак с представителями другой этнической принадлежности, в 1980 г. это сделало 28,4 %.

Несмотря на то что межнациональные браки фиксировались текущей статистикой крайне редко, углубление межэтнического взаимодействия наглядно иллюстрируется другим показателем, пока не востребованным исследователями. С 1958 г. текущая статистика учитывала этническую рождаемость, и при этом отмечалось

³ См.: Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад за 2015 год. М.; Оренбург, 2015. С. 160.

⁴ См.: Козлов В. И. Национальности СССР: этнодемографический обзор. М., 1982. С. 281.

⁵ Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск, 1927; Статистический ежегодник за 1927 г. Ижевск, 1928; Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск, 1929.

⁶ См.: Шкляев Г. К. Из истории формирования сельского расселения и развития поселений на территории Удмуртии (XIX — нач. XX вв.) // Сельские поселения Удмуртии в XIX–XX вв.: сб. ст. Ижевск, 1981. С. 34–44.

⁷ Лаллукка С. Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. СПб., 2007. С. 278.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ
(в существовавших на момент проведения переписей административных границах)*

Год	Национальность	Все население		Городское население		Сельское население	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
1926	Все национальности	756 216	100,0	77 081	100,0	679 135	100,0
	Русские	327 493	43,3	69 215	89,8	258 278	38,0
	Удмурты	395 607	52,3	30 34	3,9	392 573	57,8
	Татары	17 135	2,3	4 009	5,2	13 126	1,9
1939	Все национальности	1 219 350	100,0	320 504	100,0	898 846	100,0
	Русские	679 294	55,7	260 750	81,4	418 544	46,6
	Удмурты	480 014	39,4	35 956	11,2	444 058	49,4
	Татары	40 561	3,3	17 668	5,5	22 893	2,5
1959	Все национальности	1 336 927	100,0	593 875	100,0	743 052	100,0
	Русские	758 770	56,8	440 423	74,2	318 347	42,8
	Удмурты	475 913	35,6	87 951	14,8	387 962	52,2
	Татары	71 930	5,4	48 102	8,1	23 828	3,2
1970	Все национальности	1 417 675	100,0	808 611	100,0	609 064	100,0
	Русские	809 563	57,1	577 064	71,4	232 499	38,2
	Удмурты	484 168	34,2	135 847	16,8	348 321	57,2
	Татары	87 150	6,1	69 170	8,6	17 980	3,0
1979	Все национальности	1 492 172	100,0	975 349	100,0	516 823	100,0
	Русские	870 270	58,3	678 773	69,6	191 497	37,1
	Удмурты	479 702	32,1	180 983	18,6	298 719	57,8
	Татары	99 139	6,6	82 953	8,5	16 186	3,1
1989	Все национальности	1 605 663	100,0	1 119 773	100,0	485 890	100,0
	Русские	945 216	58,9	762 766	68,1	182 450	37,5
	Удмурты	496 522	30,9	221 865	19,8	274 657	56,5
	Татары	110 490	6,9	94 452	8,4	16 038	3,3
2002	Все национальности	1 570 316	100,0	1 094 338	100,0	475 978	100,0
	Русские	944 108	60,1	756 376	69,1	187 732	39,4
	Удмурты	460 584	29,3	204 266	18,7	256 318	53,9
	Татары	109 218	7,0	93 060	8,5	16 158	3,4

* Таблица составлена на основе: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (14.05.2017); Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (14.05.2017).

количество случаев, когда отец новорожденного был другой национальности (табл. 3). В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики находятся материалы, которые позволяют проследить динамику данного показателя вплоть до 1996 г. (более поздние материалы на хранение пока не поступили). Отметим, что, в отличие от переписи населения, когда национальность записывается на основе самоопределения, рождавшимся давалась национальность матери, которая определялась, в свою очередь, по документу (паспорту).

Анализ данных табл. 3 показывает, что общей тенденцией на протяжении второй половины XX в. для всех рассматриваемых этнических групп было неуклонное повышение удельного веса детей, родившихся у родителей разной национальности. Если в конце 1950-х гг. всего у 9,5% новорожденных, записанных русскими, отец был другой национальности, у записанных удмуртами — 5,1%, татарами — 8,0%, то в 1990-е гг. эти доли выросли до 25,2%, 33,5 и 50,4% соответственно, т. е. в конце XX столетия каждый второй рождавшийся

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВСТУПИВШИХ В БРАК ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ В УДМУРТСКОЙ АССР, ЧЕЛ.*

Национальность	Вступившие в брак	1924**	1939	1970	1978	1979	1980	1924	1939	1970	1978	1979	1980
		Городские поселения						Сельская местность					
Русские	Мужчины	882	2 114	6 696	7 585	7 809	7 189	2 830	1 707	1 841	2 016	2 252	2 054
	из них с русской (%)	877 (99,4)	2 069 (97,9)	5 642 (84,3)	6 072 (80,1)	6 262 (80,2)	5 667 (78,8)	2 811 (99,3)	1 608 (94,2)	1 416 (76,9)	1 386 (68,8)	1 504 (66,8)	1 384 (67,4)
	Женщины	897	2 224	6 613	7 415	7 725	6 977	2 886	1 753	1 737	1 881	2 060	1 932
	из них с русским (%)	877 (97,8)	2 069 (93,0)	5 642 (85,3)	6 072 (81,9)	6 262 (81,1)	5 667 (81,2)	2 811 (97,4)	1 608 (91,7)	1 416 (81,5)	1 386 (73,7)	1 504 (73,0)	1 384 (71,6)
Удмурты	Мужчины	36	354	1 323	2 071	2 146	1 953	2 311	1 146	2 369	3 133	3 492	3 383
	из них с удмуртской (%)	28 (77,8)	264 (74,6)	829 (62,7)	1 162 (56,1)	1 163 (54,2)	1 096 (56,1)	2 239 (96,9)	1 012 (88,3)	2 091 (88,3)	2 661 (84,9)	2 984 (85,5)	2 897 (85,6)
	Женщины	29	295	1 572	2 301	2 331	2 232	2 259	1 072	2 516	3 273	3 720	3 590
	из них с удмуртом (%)	28 (96,6)	264 (89,5)	829 (52,7)	1 162 (50,5)	1 163 (49,9)	1 096 (49,1)	2 239 (99,1)	1 012 (94,4)	2 091 (83,1)	2 661 (81,3)	2 984 (80,2)	2 897 (80,7)
Татары	Мужчины	62	264	700	856	939	948	139	121	127	166	221	245
	из них с татарской (%)	56 (90,3)	223 (90,7)	448 (64,0)	478 (55,8)	533 (56,8)	550 (58,0)	134 (96,4)	97 (80,2)	77 (60,6)	90 (54,2)	112 (50,7)	134 (54,7)
	Женщины	56	226	686	884	978	963	134	104	116	187	210	199
	из них с татаринном (%)	56 (100,0)	223 (98,7)	448 (65,3)	478 (54,1)	533 (54,5)	550 (57,1)	134 (100,0)	97 (93,3)	77 (66,4)	90 (48,1)	112 (53,3)	134 (67,3)

* Таблица составлена на основе: Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск, 1927. С. 33; Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 1. Л. 410б., 500б.; Д. 216. Л. 920б., 930б.; Д. 344. Л. 940б., 960б.; Д. 376. Л. 1360б., 1380б.; Д. 388. Л. 1270б., 1280б.

** В этом году удмурты – без бесермян, татары – без крышен.

Таблица 3

**РОЖДАЕМОСТЬ (БЕЗ МЕРТВРОЖДЕННЫХ) У РУССКИХ, УДМУРТОВ И ТАТАР
УДМУРТСКОЙ АССР В 1958–1996 ГГ.***

Период	Национальность	Вся республика			Городские поселения			Сельская местность		
		Родилось, чел.	в т. ч. у которых отец другой национальности		Родилось, чел.	в т. ч. у которых отец другой национальности		Родилось, чел.	в т. ч. у которых отец другой национальности	
			чел.	%		чел.	%		чел.	%
1958–1959	Русские	40 543	3 843	9,5	21 566	2 094	9,7	18 977	1 749	9,2
	Удмурты	34 675	1 767	5,1	5 175	773	14,9	29 500	994	3,4
	Татары	4 668	372	8,0	3 061	263	8,6	1 607	109	6,8
1960–1969	Русские	142 665	14 049	9,8	91 107	9 147	10,0	51 558	4 902	9,5
	Удмурты	120 656	9 608	8,0	25 743	5 440	21,1	94 913	4 168	4,4
	Татары	17 059	2 239	13,1	12 988	1 789	13,8	4 071	450	11,1
1970–1979	Русские	139 052	23 059	16,6	107 503	16 635	15,5	31 549	6 424	20,4
	Удмурты	94 541	22 316	23,6	35 212	13 741	39,0	59 329	8 575	14,4
	Татары	15 876	5 329	33,6	13 303	4 455	33,5	2 573	874	34,0
1980–1989**	Русские	137 204	28 407	20,7	108 617	20 791	19,1	28 587	7 616	26,6
	Удмурты	100 803	27 877	27,7	42 991	17 527	40,8	57 812	10 350	17,9
	Татары	19 113	7 712	40,3	16 438	6 549	39,8	2 675	1 163	43,5
1990–1996	Русские	70 051	17 674	25,2	55 194	12 571	22,8	14 857	5 103	34,3
	Удмурты	46 982	15 759	33,5	19 208	9 845	51,3	27 774	5 914	21,3
	Татары	8 927	4 497	50,4	7 711	3 817	49,5	1 216	680	55,9

* Таблица составлена на основе архивных материалов: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 85. Л. 48–50об.; Д. 87. Л. 42–44об.; Д. 93. Л. 33–35об.; Д. 100. Л. 36–38об.; Д. 107. Л. 30–32об.; Д. 115. Л. 27–29об.; Д. 123. Л. 24–26об.; Д. 131. Л. 45–47об.; Д. 162. Л. 40–42об.; Д. 171. Л. 37–39об.; Д. 191. Л. 35–38об.; Д. 205. Л. 50–52об.; Д. 216. Л. 48–50об.; Д. 288. Л. 43–45об.; Д. 239. Л. 29–32об.; Д. 270. Л. 40–42об.; Д. 280. Л. 43–45об.; Д. 291. Л. 37–39об.; Д. 321. Л. 41–43об.; Д. 332. Л. 39–41об.; Д. 344. Л. 52–54об.; Д. 376. Л. 77–79об.; Д. 388. Л. 84–86об.; Д. 408. Л. 57–59об.; Д. 417. Л. 50–52об.; Д. 427. Л. 58–60об.; Д. 438. Л. 55–57об.; Д. 446. Л. 52–55об.; Д. 454. Л. 39–41об.; Д. 461. Л. 7–9; Д. 468. Л. 7–9; Д. 475. Л. 14–16; Д. 483. Л. 7–9; Д. 491. Л. 7–12; Д. 501. Л. 7–12; Д. 512. Л. 7–12; Д. 521. Л. 7–12; Д. 532. Л. 7–12.

** Без 1981 г.

у матери-татарки имел отца нетатарской национальности, у удмурток каждый третий ребенок рождался не от удмурта, а у русских каждый четвертый — от нерусского отца. Наиболее значительный рост у всех групп произошел в 1970-е гг. (рис. 1): у русских — на 6,8 %, у удмуртов — на 15,6, у татар — на 20,5 %. За счет такой разной динамики за эти почти полвека татары со второго места по доле детей, рождавшихся от отца другой национальности, переместились на первое, удмурты — с третьего на второе, русские — с первого на третье.

Если же межэтническую рождаемость учитывать отдельно по городским поселениям и сельской местности, то распределение мест будет иным. В городах наибольший удельный вес рожденных от родителей разных национальностей был в тех межэтнических семьях, где мать была удмурткой, и наоборот, в сельской местности у них была наименьшая доля, причем эти места не менялись в течение всего рассматриваемого периода. Татары в городах по данному показателю были на втором месте

(кроме конца 1950-х гг., когда они находились на третьем месте), в то время как в сельской местности — на первом месте, лишь в конце 1950-х гг. уступив его русским.

При анализе данных табл. 3 бросается в глаза резкий контраст между показателями у удмуртов, проживающих в городе и в сельской местности: доля родившихся, имевших отца другой этнической принадлежности, в городах была намного выше (в 2,3–4,8 раза), но наблюдалась тенденция к сглаживанию. У русских и татар такого разрыва не было, причем с 1970-х гг. те и другие в сельской местности в межэтнические контакты стали вступать чаще.

Важнейшим фактором, приведшим к углублению межэтнических отношений, была урбанизация. Превращение Удмуртии в крупный оборонно-промышленный край началось еще до Великой Отечественной войны, продолжилось в военное время и в послевоенный период. Это, естественно, вызвало массовое привлечение на заводы трудовых ресурсов. Масштабное строительство также требовало

соответствующего кадрового подкрепления. Наибольший рост числа горожан в республике произошел в 1960-е гг. (см. табл. 1), когда вступили в строй очень крупные предприятия (например, автозавод, «Ижтяжбуммаш»). Среднегодовая численность рабочих и служащих в Удмуртии с 1950 г. по 1980 г. постоянно увеличивалась: по нашим подсчетам, в 1950 г. она составляла 255 тыс.; в 1960 г. — 376 тыс.; в 1970 г. — 524 тыс. и в 1980 г. — 652 тыс.⁸

Основным источником пополнения рабочего класса в Удмуртии была деревня. Например, по данным переписи населения 1989 г., из 342,7 тыс. городских жителей русской национальности, сменивших до этого место постоянного жительства, 192,3 тыс. чел. указали, что прибыли из сельской местности; из 135,6 тыс. удмуртов-горожан, сменивших место постоянного жительства, — 112,0 тыс. чел.⁹ Поскольку самое значительное увеличение доли родившихся у родителей разной национальности пришлось на 1970-е гг. (см. табл. 3), можно сделать вывод о том, что мигранты после переезда в город не сразу вступали в брак.

Следующим фактором, связанным с предыдущим, явилось переустройство деревни. В результате коллективизации большая часть первых колхозов в Удмуртии была создана по национальному признаку.¹⁰ Не случайно даже в 1950 г. в 123 населенных пунктах имелось по два колхоза и более.¹¹ В ходе укрупнения 1950 г. 3 513 колхозов республики были объединены в 1 069 хозяйств,¹² в результате чего немало хозяйств оказалось многонациональными. Это подтверждает, в частности, последовавший поток писем в Верховный Совет УАССР с просьбой о разукрупнении, где одним из мотивов называлось нежелание соседствовать с другими национальностями.

Крупной акцией была реорганизация МТС в 1958 г. Поспешность, с которой она была проведена, повлекла за собой огромное количество финансовых, технических и организационных проблем. Реорганизация МТС подтолкнула процессы, связанные с концент-

рацией производства, объединением хозяйств в более крупные организационные формы.¹³ В конце 1950-х — начале 1960-х гг. прошла еще одна волна преобразований, когда укрупняли экономически слабые колхозы, соединяли их либо преобразовывали в совхозы. Если в конце 1957 г. в Удмуртской АССР насчитывалось 834 колхоза и 9 совхозов, то в конце 1962 г. — соответственно 376 и 21.¹⁴

В результате укрупнения колхозов и перевода их в совхозы возникла потребность в реконструкции поселенческой сети, поскольку традиционная система расселения не соответствовала новым условиям укрупненного сельскохозяйственного производства¹⁵. С 1968 г. началась ликвидация «неперспективных» деревень, хотя первая волна сокращения сельских населенных мест относится к началу 1960-х гг. В Удмуртии число сельских населенных пунктов уменьшилось с 4 849 в 1959 г. до 2 546 в 1979 г., а в 1989 г. их насчитывалось всего 2 032. Сокращение в республике было более масштабным, чем в целом по Уралу.¹⁶ Параллельно с реконструкцией поселенческой сети активно шла миграция селян, как из одной деревни в другую, так и в города. Доля сельских поселений со смешанным этническим населением выросла в республике с 28,8 % в 1955 г. до 36,0 % в 1980 г.¹⁷

Еще одним фактором углубления межэтнического взаимодействия стало увеличение доли лиц, владеющих русским языком. Так, в середине XX столетия русский язык не понимала значительная часть удмуртского населения. Как фиксировали партийные документы, в республике имелось немало сельских населенных пунктов, где население совсем не знало русский язык либо знало очень плохо.¹⁸ Как правило, после окончания начальной школы удмурты в подавляющем большинстве трудоустроивались в колхозах или на промышлен-

⁸ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: стат. ежегодник. М., 1961. С. 400; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. М., 1977. С. 210; Народное хозяйство Удмуртской АССР в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. Устинов, 1986. С. 9; Народное хозяйство РСФСР в 1990 году: стат. ежегодник. М., 1991. С. 112.

⁹ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 1094. Л. 61–62.

¹⁰ См.: Удмурты: ист.-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 358.

¹¹ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее — ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 5515. Л. 64.

¹² ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 6а. Д. 51. Л. 137; Д. 63. Л. 132.

¹³ См.: Корнилов Г. Е. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект // Урал. ист. вестн. 2008. № 2 (19). С. 8.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 6. Д. 2346. Л. 1; Д. 473. Л. 1; Д. 675. Л. 119; Оп. 6а. Д. 65. Л. 318.

¹⁵ См.: Мазур Л. Н. Политика советского государства в области сельского расселения. 1950–1980-е гг.: истоки трагедии российской деревни // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века: сб. ст. Коломна, 2007. С. 338.

¹⁶ См.: Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург, 2012. С. 202, 205, 206.

¹⁷ См.: Шкляев Г. К. Об изменениях в поселенческой структуре Удмуртии в советское время // Сельские поселения Удмуртии в XIX–XX вв.: Сб. ст. Ижевск, 1981. С. 66.

¹⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5679. Л. 100.

ных предприятиях.¹⁹ Органы власти республики неоднократно ставили вопрос об увеличении количества часов на изучение русского языка в удмуртских школах.²⁰

В соответствии с принятым в 1958 г. законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР» большая часть национальных школ страны была переведена на русский язык обучения. Родной язык в них изучался лишь как дополнительный предмет. В результате преподавание на родных языках последовательно вытеснялось преподаванием на русском не только из среднего звена (5–8-й классы), но и из начального звена национальной школы (1–4-й классы). В 1962 г. в республике были утверждены новые учебные планы для удмуртских школ с русским языком обучения, в которых в первом классе изучение удмуртского языка не предусматривалось. Это событие завершило дискуссию о языке преподавания в удмуртских школах.²¹

В 1970 г. уже 80,6 % удмуртов и 86,1 % татар УАССР свободно владели русским языком.²² К концу XX в. русский язык превратился в средство межнационального общения. Поскольку данные переписи населения 2002 г., касающиеся этого вопроса, анализировать сложно из-за методических неточностей, допущенных в инструктивных материалах,²³ воспользуемся результатами предшествовавшей переписи. В 1989 г. 91,9 % удмуртов и 92,4 % татар республики свободно владели русским языком. В то же время среди русских лишь 1,5 % свободно владели удмуртским языком и 0,2 % — татарским. Среди удмуртов татарским языком владели 0,1 %, а из татар удмуртским — 1,1%.²⁴

Таким образом, до середины XX в. межэтническое взаимодействие в Удмуртии имело небольшие масштабы. Об этом свидетельствует как низкий удельный вес смешанных семей, так и небольшая доля новорожденных, имевших отца другой национальности. Однако во второй половине XX в. ситуация изменилась, и особенно большие перемены произош-

ли в 1970-е гг. Межнациональные браки стали распространенным явлением среди всех трех этнических групп как в городах, так и в сельской местности. Почти половина татар к концу 1970-х гг. в качестве брачного партнера выбирала представителя иной национальности, русские в городах подобный выбор делали примерно в 20 % случаев, на селе — в 30 %, а удмурты — соответственно, в 45–50 % случаев и в 15–20 %. В конце XX столетия каждый второй рождавшийся у матери-татарки имел отца нетатарской национальности, у удмурток каждый третий ребенок рождался не от удмурта, а у русских каждый четвертый — от нерусского отца.

В наибольшей степени на углубление межэтнического взаимодействия повлияла урбанизация. Городское население быстро росло за счет сельских мигрантов разных национальностей. Например, в 1989 г. 112 тыс. удмуртов, проживающих в городах, были вчерашними селянами. Способствовала смешению национального состава также политика по переустройству деревни. Неоднократные кампании по укрупнению колхозов, ликвидация «неперспективных» деревень вели к увеличению доли сельских поселений с полиэтничным населением. Кроме того, объединение в колхозе/совхозе представителей разных национальностей тоже приводило к углублению межэтнического взаимодействия. К тому же аграрные преобразования усиливали миграцию селян в города. Наконец, еще одним значимым фактором углубления межэтнического взаимодействия явилось увеличение удельного веса знающих русский язык, который действительно стал языком межнационального общения.

С другой стороны, углубление межэтнического взаимодействия имело и отрицательные стороны, приводя к ассимиляции. Особенно подвержены ей оказались представители титульной национальности. Как показал ряд исследований,²⁵ удмурты относятся к значительно ассимилируемым народам, в то время как татары — к неассимилируемым, а русские — к ассимилирующим народам. И хотя А. Ю. Орлов сделал такой вывод, основываясь на изучении данных за 1989–2002 гг., следует признать справедливость этого заключения и по отношению к более раннему периоду.

¹⁹ Там же. Д. 4889. Л. 39.

²⁰ См., напр.: Там же. Д. 5789. Л. 30–33об.

²¹ См.: Васильева О. И., Воронцов В. С. Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 77.

²² ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 490. Л. 15.

²³ См.: Подлесных О. Н. Возможности использования переписных данных в целях имплементации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств в России // ЭО. 2010. № 4. С. 121, 122.

²⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 1084. Л. 2–5, 10, 11.

²⁵ Орлов А. Ю. Демографические исследования этноассимиляционных процессов // XII Междунар. Науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 1. М., 2012. С. 358–367.

На всем протяжении второй половины XX в. шла этноязыковая ассимиляция, и активнее всего — у удмуртов. По данным переписей населения, в 1939 г. доля удмуртов в Удмуртской АССР, признающих родным удмуртский язык, составляла 98,7%, в 1959 г. — 93,2%, в 1970 г. — уже 87,7%, в 1979 г. — 82,3%, а в 1989 г. — вообще 75,7%. У татар Удмуртии соответствующий показатель был выше: в 1939 г. родным признавали татарский язык 97,1%, в 1959 г. — 94,7%, в 1970 г. — 90,4%, в 1979 г. — 86,9%, в 1989 г. — 81,5%.²⁶

Кроме того, за 1959–1989 гг. численность удмуртов в Удмуртии увеличилась всего на 20,6 тыс. чел., в то время как татар — на 38,6 тыс. чел., а русских — на 186,4 тыс. чел.

(табл. 1). При этом рождаемость у удмуртов все это время была выше, чем у татар, и гораздо выше, чем у русских (см. табл. 3). Конечно, часть представителей титульной национальности мигрировала (с 1959 г. по 1989 г. количество удмуртов за пределами республики увеличилось на 101,4 тыс. чел.²⁷), но все же миграция не могла «поглотить» почти весь естественный прирост, тем более что, в 1970–1980-е гг. в Удмуртию прибывало удмуртов больше, чем выбывало из нее.²⁸ Это означает, что на протяжении второй половины XX в. нарастало не только межэтническое взаимодействие, но и ассимиляционные процессы, которые в наибольшей степени затронули удмуртов.

Sergey N. Uvarov

Candidate of Historical Sciences, Izhevsk State Agricultural Academy (Russia, Izhevsk).

E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

DEEPENING INTERETHNIC INTERACTION IN UDMURTIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY AND FACTORS

The article discusses inter-ethnic relations in Udmurt Republic in the second half of the twentieth century and the factors that led to its deepening. The sources analyzed are mostly by unpublished archival documents, among which a special place is occupied by materials of the current statistics. In particular, they take account of ethnic fertility, and it was noted the number of cases when the father of the newborn was of a different nationality. This figure, while unclaimed by the researchers, shows that until mid-century, inter-ethnic relations in the Republic was not too large scale. In the late 1950s, only 9.5% of Russian-born father was of another nationality, the Udmurts — 5,1%, Tatars — 8,0%. Due to such factors as urbanization, the policy for the reconstruction of the village (the consolidation of the collective farms, the elimination of “unpromising” villages, etc.), increasing the proportion who know Russian the language of inter-ethnic interaction has increased considerably. At the end of the twentieth century, every second born in Tatar mom dad had not Tatar, Udmurt mother in every three children born not of Udmurt father, while the Russian mothers every fourth child born from non-Russian father. The strongest growth of all occurred in the 1970s, the Deepening of inter-ethnic interaction and also illustrates the increase in the number of interethnic marriages. By the end of the 1970s almost half of urban Tatars and Udmurts as a marriage partner was chosen a representative of another nationality. In Russian cities such choice was made on average in 20% of cases, in rural areas — 30%. Rural Udmurts were the most conservative: only about 15% of men and 20% women as the “second half” of preferred representatives of other ethnic groups.

Keywords: *interethnic interaction, intermarriage, population of Udmurtia, the census, the national composition*

REFERENCES

- Golovnev A. V. [Ethnicity and identity in the Urals]. *Uralyskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 2 (31), pp. 40–49. (in Russ.).
- Kornilov G. E. [Agrarian modernization in Russia in the 20th century: regional aspect]. *Uralyskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2008, no. 2 (19), pp. 4–14. (in Russ.).

²⁶ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов. Екатеринбург, 2002. С. 86; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 490. Л. 15; Д. 628. Л. 1; Д. 1084. Л. 2, 10.

²⁷ Подсчитано по: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (14.05.2017).

²⁸ Уваров С. Н. Этническая миграция в Удмуртии в 1970–1980-е годы: историко-статистический анализ // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та: электрон. Науч. журн. 2017. № 1. С. 174.

- Kozlov V. I. *Natsionalynosti SSSR. Etnodemograficheskiy obzor* [The nationalities of the USSR. Ethno-demographic overview]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1982, 303 p. (in Russ.).
- Lallukka S. *Vostochno-finskie narody Rossii: analiz etnodemograficheskikh protsessov* [The Eastern Finnish peoples of Russia: an analysis of ethnic and demographic processes]. Saint Petersburg: Yevropeyskiy Dom Publ., 2007. 391 p. (in Russ.).
- Mazur L. N. [The policy of the Soviet state in the field of rural settlement. 1950–1980s: the origins of the tragedy of the Russian village]. *Gosudarstvennaya vlasty i krestyianstvo v XX – nachale XXI veka: sb. st.* [State power and the peasantry in the 20th – early 21st century: collection of articles]. Kolomna: Kolomenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute Publ., 2007, pp. 338–348. (in Russ.).
- Mazur L. N. *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regionalnoe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Russian village in the context of urbanization: the regional dimension (the second half of the 19th – 20th century)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2012, 472 p. (in Russ.).
- Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federalnom okruge. Ekspertnyy doklad za 2015 god* [Inter-ethnic relations and religious situation in the Volga Federal district. Expert report for 2015]. Moscow; Orenburg: OOO IPK «Universitet» Publ., 2015, 184 p. (in Russ.).
- Orlov A. Yu. [Demographic studies toasciistring processes]. *XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [12th Int. Sci. Conf. on the Problems of Development of the Economy and Society]. Moscow: NIU VShE Publ., 2012, vol. 1, pp. 358–367. (in Russ.).
- Podlesnykh O. N. [The possibility of using census data to implement the European Charter for regional and minority languages in Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2010, no. 4, pp. 115–131. (in Russ.).
- Shklyayev G. K. [About changes in the settlement structure of the Udmurt Republic in Soviet times]. *Selyskie poseleniya Udmurtii v XIX–XX vv.: sb. st.* [Rural settlements of Udmurtia in the 19–20th centuries: collection of articles]. Izhevsk: NII pri SM UASSR Publ., 1981, pp. 57–68. (in Russ.).
- Shklyayev G. K. [From the history of the formation of rural settlements and development of settlements on the territory of the Udmurt Republic (19th – early 20th century)]. *Selyskie poseleniya Udmurtii v XIX–XX vv.: sb. st.* [Rural settlements of Udmurtia in the 19–20th centuries: collection of articles]. Izhevsk: NII pri SM UASSR Publ., 1981, pp. 3–44. (in Russ.).
- Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk: UIYAL UB RAS Publ., 1993. 392 p. (in Russ.).
- Uvarov S. N. [Ethnic migration in the Udmurt Republic in 1970–1980s: a historical-statistical analysis]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2017, no. 1, pp. 160–179 (in Russ.).
- Vasilyeva O. I., Vorontsov V. S. [National school in the Udmurt Republic: history and modernity]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2013, no. 2, pp. 70–85. (in Russ.).